

Танина Мария Алексеевна

канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Пензенский филиал), г. Пенза, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-7311-6280

e-mail: margo10@inbox.ru

Юрасов Игорь Алексеевич

д-р соц. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Пензенский филиал), г. Пенза, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-4884-6422

e-mail: jurassow@mail.ru

Юдина Вера Александровна

канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Пензенский филиал), г. Пенза, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-9835-9430

e-mail: vayudina@fa.ru

Зябликова Ольга Александровна

канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Пензенский филиал), г. Пенза, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-1624-0071

e-mail: margo10@inbox.ru

Maria A. Tanina

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Penza branch), Penza, Russia

ORCID: 0000-0001-7311-6280

e-mail: margo10@inbox.ru

Igor A. Yurasov

Doctor of Sociological Science, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Penza branch), Penza, Russia

ORCID: 0000-0002-4884-6422

e-mail: jurassow@mail.ru

Vera A. Yudina

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Penza branch), Penza, Russia

ORCID: 0000-0001-9835-9430

e-mail: vayudina@fa.ru

Olga A. Zyablikova

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Penza branch), Penza, Russia

ORCID: 0000-0002-1624-0071

e-mail: margo10@inbox.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЦИФРОВОЙ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ

Аннотация. Анализ различных форм протестной активности в виртуальном пространстве становится особенно актуальным в эпоху развития цифровых технологий во всех сферах общественной жизни. Но до настоящего времени не было комплексной работы, посвященной тенденциям, которые вызывают, сопровождают и организуют цифровую протестную активность в мире. Цель настоящей работы – определение теоретико-методологических основ социально-политического анализа цифровой протестной активности в современных социумах. В исследовании решались задачи анализа ценностей провинциальных российских социумов, институциональных матриц, сетевого политического управления и специфических форм виртуальной коммуникации в сетевом пространстве. Выявлены теоретико-методологические основания развития цифровой протестной активности в мире: особенности социальной темпоральности, публичные ценности, специфика доверия, типы социальных связей в городском пространстве; цифровизация, виртуализация и медиатизация, информационное неравенство, цифровая элитарность; институциональные матрицы и институциональные ловушки электронной коммуникации, тенденции в цифровом управлении. Приведенные теоретические основания служат базой моделирования протестной цифровой активности в мегаполисах и провинциальных городах.

Ключевые слова: виртуализация пространства, институциональные ловушки, институциональные матрицы, информатизация социума, полиментальность социума, социальная темпоральность, социальные ценности, цифровизация общества, цифровое управление, цифровой протест

Для цитирования: Танина М.А., Юрасов И.А., Юдина В.А., Зябликова О.А. Теоретико-методологические основания социально-политического анализа цифровой протестной активности // Вестник университета. 2020. № 12. С. 165–170.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF SOCIO-POLITICAL ANALYSIS OF DIGITAL PROTEST ACTIVITY

Abstract. The analysis of various forms of protest activity in the virtual space becomes especially relevant in the era of digital technologies development in all spheres of public life. But until now, there has not been a comprehensive work devoted to the trends that cause, accompany and organize digital protest activity in the world. The purpose of this paper is to determine the theoretical and methodological foundations of the socio-political analysis of digital protest activity in modern societies. The study solved the problems of analyzing the values of provincial Russian societies, institutional matrices, network political management and specific forms of virtual communication in the network space. The authors reveal the theoretical and methodological foundations of the development of digital protest activity in the world: features of social temporality, public values, specifics of trust, types of social connections in urban space; digitalization, virtualization and mediativization, information inequality, digital elitism; institutional matrices and institutional traps of electronic communication, trends in digital management. The theoretical grounds provided are the basis of digital simulation of the protest activity in Megacities and provincial towns.

Keywords: digital management, digital protest, digitalization of society, institutional matrices, institutional traps, informatization of society, polymentality of society, social temporality, social values, virtualization of space

For citation: Tanina M.A., Yurasov I.A., Yudina V.A., Zyablikova O.A. (2020) Theoretical and methodological foundations of socio-political analysis of digital protest activity. *Vestnik universiteta*. I. 12, pp. 165–170. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-165-170

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31060 «Протестная активность в сетевом информационном пространстве провинциального города: дискурс, структура, ценности».

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 20-011-31060 "Protest activity in the network information space of a provincial city : discourse, structure, values".

© Фамилия Е.М., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Цифровая протестная активность является особой формой организации и самоорганизации населения в сетевом информационном пространстве, которая выражается: в участии в специфических сетевых сообществах, открытых и закрытых телеграм-каналах; обсуждении социально-политических, социально-экономических проблем развития страны и региона; участии распространения и блокирования информации; привлечении широких слоев общества к протестной риторике. До настоящего времени не было комплексной работы, посвященной всем тем тенденциям, которые вызывают, сопровождают и организуют цифровую протестную активность в мире. Существуют отдельные исследования, посвященные развитию цифрового протеста в крупных российских мегаполисах, но нет исследований, анализирующих сетевой виртуальный протест в средних и малых провинциальных городах Российской Федерации. Все изложенное выше указывает на актуальность темы настоящего исследования.

Целью настоящей работы является определение теоретико-методологических основ социально-политического анализа цифровой протестной активности в современных социумах. Цель исследования предполагает постановку следующих задач: анализ ценностей провинциальных российских социумов, исследование институциональных матриц, сетевого политического управления и специфических форм виртуальной коммуникации в сетевом пространстве.

В качестве авторской гипотезы выступает мнение авторов настоящего исследования, что социально-политические и социально-экономические особенности российских мегаполисов и провинции маркируют специфику цифровой протестной активности. Различная социальная темпоральность, отличия в структуре ценностей, особенности ментальности жителей мегаполиса и провинциального города в России выдвигают различные поводы, темы протеста, формируют отличных от мегаполиса лидеров цифровой протестной активности.

Специфика социальной темпоральности мегаполиса и провинции заключается в запаздывании временных периодов в провинции от мегаполиса. Социальная темпоральность российской провинции определяется рядом факторов, а именно, наличием традиционных, индустриальных и постиндустриальных отношений и ценностей одновременно; преобладанием модернизационных процессов в технической сфере при недостаточности, либо малой активными инновационных процессов в социальной сфере; архаизацией общественной жизни и общественных практик, которые формируют ощущение потерь и, как следствие, являются причиной институциональных ловушек; невыразительности архитектурного облика региона, дифференцированности урбанизационных процессов; нарастания неформальной и теневой занятости и «гаражной экономики»; отсутствия уникальности и привлекательности в городском пространстве [1].

Ценности провинции и замедление течения социального времени приводят к возникновению многих местных проблем, формируют институциональные ловушки. Институциональные ловушки представляют собой специфические неэффективные институты, которые могут самоподдерживаться и самовоспроизводиться. Институциональная ловушка, возникающая в трансформируемых социумах, является собой специфическое состояние социальной системы, приводящее ее к трансформационной деградации, которая угнетающее действует на общее социально-психологическое настроение обществ. Неэффективный социальный или взаимовлияние эффективных институтов в социуме могут породить институциональные ловушки. После формирования институциональной ловушки возвращение к начальному, дореформенному, архаическому положению вещей приводит социальную систему в состояние сильной дестабилизации, которая может закончиться более сильной деградацией. В этом случае создается особый «эффект гистерезиса», который выражается в более сильном влиянии архаических ценностей, архаических систем, чем в дореформенной ситуации [11].

Социальные ценности российской провинции были выяснены в ходе авторского исследования, которое проводилось в июле-октябре 2020 г. в 24-х регионах России от Калининграда для Хабаровска. В опросе приняли участие 1 610 человек, из них 56,9 % женщин, 43,1 % мужчин, при этом возраст варьировался от 16 до 83 лет, большинство респондентов (41,7 %) имеют высшее образование.

Самыми важными жизненными ценностями, по результатам социологического исследования являются: здоровье (91,8 %), материальный достаток (82,2 %), семья (69,9 %), дружба, любовь (39,7 %). Инициативность, предприимчивость (8,2 %), самореализация, ценности свободы (4,1 %) не стали базовыми ценностями российских провинциальных социумов. Исследование показало, что материальный достаток жителя российской провинции слабо связан с его активной социально-экономической деятельностью. По мнению респондентов, достаток является следствием внешних, практически не зависящих от человека факторов. Российские

провинциалы в большинстве своем не стремятся к активной целенаправленной деятельности по улучшению своего материального положения [12]. Что касается ценностей семьи, любви и дружбы, то они становятся причинами появления институциональных ловушек. Специфические традиционные, индустриальные, информационных ценности влияют на социальные институты, которые формально могут быть такими же, как и в мегаполисе, но функционируют в различных темпоральных отрезках. Российская «Семья» мегаполиса, кардинально отличается «семья» провинциального города. Семейные отношения российских мегаполисов (Москва, Санкт-Петербург) больше похожи на семейные отношения развитых европейских городов [3].

В семьях российской провинции культивируются более тесные контакты и коммуникативные связи между членами. Институт семьи, семейные ценности в российской провинции крепче, чем в мегаполисе, но это может отрицательно влиять на поведение молодых людей и их родителей на рынке труда. В российской провинции формируется особый рынок труда, в котором неформализованные практики доминируют над формализованными. Сталкиваясь между собой, эти практики порождают институциональные ловушки, тормозящие экономическое, политическое и социальное развитие. Они усугубляют местные проблемы и негативно влияют на социальное самочувствие его жителей. Это видно на примере анализа престижности профессии в нашей стране. Престижность в российской провинции определяется возможностью перераспределения ресурсов, так как российская экономика является экономикой ресурсно-перераспределительного типа. В этих условиях престижной будет та профессия, которая открывает дорогу к возможностям перераспределения бюджетов различных уровней. И именно неформализованные семейные практики транслируют этот факт. И в этом случае в провинциальном социуме формируется институциональный конфликт между рынком труда и семьей и семейными ценностями.

Что касается цифрового протеста в провинции, то там формируется серьезная институциональная ловушка, когда вся мощь виртуальной протестной активности сводится к троллингу, кибербуллингу в сетевом пространстве, формированию политической пассивности, формированию возможности фальсификации сетевой активности в сети «Интернет» в форме использования специфических киберсимулякров, виртуализации и слэктивизм (термин американского политического публициста русского происхождения Е. Морозова.), Слэктивизм является формой политической сетевой активности, которая не приводит к реальным политическим результатам, а является чем-то вроде средства, укрепляющего комфорт участников сетевой политической дискуссии [2; 4].

Интенсивность цифрового протеста в мегаполисе и провинции зависит также от ментальных особенностей социума, от специфики политической, коммуникационной культуры. Специфически влияет на сетевое политическое управление и на гражданское участия полиментальность российской провинции. В российской провинции, в соответствии с законом поляризации П. А. Сорокина [11], производят разделение членов социума на несколько социальных групп, которые обладают радиально противоположно направленными нормами и нормативами поведения, а также ценностными ориентациями [10]. В структуре российской провинции следует отметить три доминирующие ментальные установки: индивидуалистско-либеральные, коллективистско-социалистические, консервативно-либеральные [8; 9]. Сложный набор этих установок тормозит формирование доверия и взаимопонимания между оппозиционными социальными группами, с странным образом меняет общественные ценности и блокирует гражданское участие и мультиплицирует процессы цифрового протеста.

В российских провинциальных городах с каждым годом крепнут так называемые «сильные социальные связи», под которыми подразумеваются семейные дружеские, родственные ценности. «Слабые ценности» мегаполиса – становятся триггером профессиональной и карьерной мобильности человека. Коммуникация в виртуальном пространстве при наличии слабых связей становится наиболее информативной. В некоторых случаях контекст преобладания слабых связей становится спусковым механизмом формирования крайних антимодерновых проявлений [7].

В провинциальных городских сообществах личности с современной мобильностью хотят потреблять продукты глобальной цивилизации, например, участвовать в сетевом гражданском протесте, принимать участие в сетевой виртуальной коммуникации, к цифровой и реальной протестной активности. А те сообщества, которые прибывают в ситуации модернизационной цивилизации, начинают интересоваться локальной исторической аутентичностью во всех ее формах, включая, архаичные формы общения, традиционные еду и напитки. Историческая память, интерес к самобытности локального социума, к локальным проблемам, к локальной истории и культуре очень зависят от того, как в локальном пространстве приходит динамика

развития цивилизации модерна и глобального города. Это может сильно обмануть ожидания политической элиты от внедрения сетевого политического управления и цифровой демократии, когда в условиях сильных связей будет тормозиться сетевая политическая коммуникация, цифровая протестная активность.

Полиментальность, влияние провинциальной социальной темпоральности, рост недоверия граждан к органам власти парадоксальным образом приводят к атономизации общества, к сегрегации политических ориентаций, а не росту протестных настроений. Институты общественной жизни постепенно ослабевают, людей с различными политическими ориентациями становится проще натравливать друг на друга.

На специфику цифровой протестной активности в российской провинции влияют институциональные матрицы, задающие специфические институциональные рамки развития и блокирующие вестернизированные модернизационные процессы в социуме. Согласно этой теории, социальные, экономические и политические институты являются устойчивыми формальными структурами (законы, инструкции, нормативные правовые акты) и неформальными социально-политическими конструктами (ритуалы, обычаи, правила взаимодействий) [5; 6]. Социальные и политические институты формируются людскими сообществами, и одновременно ограничивают коммуникации людей в социуме. В этом отношении политическая система интерпретируется как самоорганизующаяся структура, целью которой становится воспроизводство социальной жизни в природном, изначальном окружении. Политическая активность организуется матричным способом. Каждая матрица (от лат. *matrix* – матка) выражает константную, исторически сложившуюся систему базовых социально-политических институтов. Эти институты регулируют функционирование основных социальных сфер – экономики, политики и идеологии. X-матрица является системой институтов с централизованной экономикой, унитарной политической системой и коммунитарной, коллективистской идеологией. Y-матрица сформирована институтами рыночной экономики, федеративного политического устройства и субсидарной (с приоритетом индивидуальных личностных ценностей) идеологии.

Пространственное неравенство, особенно характерное Российской Федерации, влияет на цифровое неравенство, на специфику цифровой протестной активности. При этом неравенство регионального развития возникает из-за неравномерного распределения экономических ресурсов по территории страны. В зависимости от распределения и наличия ресурсов в том или ином регионе в России выделяются центральные регионы (мегаполисы), полупериферия (традиционные крупные российские города), периферия (провинция). Причиной неравенства регионального развития могут выступать факторы неравенства первого уровня (климатические и природные условия) и второго уровня (уровень развития промышленного производства, инфраструктуры, человеческий, интеллектуальный и инновационный капиталы, материально-техническая база и др.). При этом в мегаполисах и провинциальных регионах могут происходить противоположно направленные процессы. Для мегаполисов характерно развитие и активизация инновационных процессов и институциональное развитие, а для провинции – преобладание негативных тенденций. Большая часть провинциальных регионов реализует политику догоняющего развития, что приводит к поляризации уровней социально-экономического развития территории страны, формированию цифрового неравенства, возникновению институциональных ловушек.

Использование людьми новых форм электронных, сетевых, социальных взаимодействий приводит к появлению нового типа общества – информационного, сетевого, где главным атрибутом выступает свойство виртуальности. Виртуальные сетевые сообщества одновременно способствуют реализации двух процессов – стиранию традиционного социально-экономического неравенства участников сообщества, а также формированию информационной иерархии и стратификации, которая формирует структурную композицию сообщества, оказывающих влияние на политическое управление, электронное гражданское участие.

В качестве одной из основных причин виртуализации выступает массовое распространение среди населения и в бизнес-среде электронных интернет-коммуникаций, в том числе и сетевых. Интернет-пространство способствует формированию специфических процессов репрезентации пользователей виртуальных сетевых сообществ. Данный процесс обеспечивает обесценивание содержания контента в сетевом интернет-пространстве. Активное применение киберсимулякров в виртуальных сетевых сообществах в сфере политического и гражданского управления способствуют значительному искажению общественного мнения и мнения аудитории, способствует формированию протестного пространства в интернет-сети. Данные процессы приводят к возникновению манипулятивных процессов, нарушают стабильную работу политической системы, национальной безопасности страны с применением интернет-коммуникаций. Негативные последствия сетевой

протестной активности в виде троллинга, кибербуллинга приводят в социумах, обладающих демократией в зачаточном состоянии и ценностями консервативного общества способствуют возникновению значительных отрицательных процессов: «цветных революций», анархии в политической сфере, усилению национализма, контрэлитного популизма. Хаос в сфере взаимодействия в информационном пространстве могут привести к возникновению протестных процессов в социально-политической сфере. Примером может выступить «Арабская весна» 2010–2011 г., способствующая возникновению крайне негативных процессов на Ближнем Востоке.

Возникновение новых форм социальных коммуникаций и их перенос в сетевое интернет-пространство способствуют изменению социальных институтов: возникают принципиально новые ценностные и нормативные ориентации в социуме, отдельные структурные элементы институтов видоизменяются либо теряют свою актуальность. Вместе с тем виртуализация социальных институтов укрепляет институционального порядка и одновременно снижает воздействие формальных правовых механизмов в сфере социальных коммуникаций.

Цифровое политическое управление, формы гражданского протестного участия, сетевые информационно-коммуникационные технологии по-разному реализуются и трансформируются в российском обществе в разных типах городского пространства. В провинциальных городах России формируется специфическая модель цифровой протестной активности. Триггером виртуального протеста становится нарушение местного социально-экономического, реже социально-политического интереса. В исследованных 24 городах российской провинции спусковым крючком начала цифровой, и позже и реальной протестной активности, стало нарушение экономического интереса. Цифровую протестную активность в российской провинции начали «обманутые дольщики» в 2015 г. Протестная риторика была усилена «сильными связями» внутри городского пространства, когда в провинции большинство жителей связаны между собой родственными и дружескими узами. Цифровую и реальную протестную активности в 2015–2020 гг. пытались возглавить лидеры несистемной оппозиции, такие как представители «Левого фронта», политические структуры А. Навального. Но умело решая проблемы обманутых дольщиков, органы официально государственной власти смогли купировать цифровой и реальный протест в провинциальной России. Исключением из этого является цифровой и реальный протест в Хабаровске, когда был нарушен местный политический интерес. Но цифровая политическая активность в Хабаровском крае в силу своей непродолжительности во времени, требует особого анализа и осмысления.

Дав возможность жителям города самостоятельно решать социально-экономические вопросы, руководство провинциальных городов России встает на путь развития механизмов территориального общественно-управления, что позволяет повысить авторитет власти и предотвратить неконтролируемое развитие цифровой и реальной протестной активности.

Таким образом, цифровая протестная активность в провинции России отличается от протестной активности в российских мегаполисах. Теоретико-методологическими основами, структурирующими специфику цифрового протеста в провинциальной России, являются особенности социальной темпоральности, публичные ценности, специфика доверия, типы социальных связей в городском пространстве; цифровизация, виртуализация и медиативизация, информационное неравенство, цифровая элитарность; институциональные матрицы и институциональные ловушки электронной коммуникации, тенденции в цифровом управлении.

Возможными направлениями дальнейших исследований может стать анализ взаимоотношений между цифровой протестной активностью и реальными участниками митингов в мегаполисе и российской провинции, взаимоотношение цифровой протестной активности, вызванной экономическими, политическими и социальными проблемами (проблемами образования и здравоохранения в период пандемии 2020–2021 гг.

Библиографический список

1. Буранчин, А. М. Архаизация как социальная проблема // Политическое образование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lawinrussia.ru/content/arhaizaciya-kak-socialnaya-problema> (дата обращения: 04.11.2020).
2. Володенков, С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. – М.: Московский университет, 2015. – 272 с.
3. Зубаревич, Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.
4. Ибрагимов, Л. Х. Интернет коммуникации в пространстве современной политики // Вестник ЗаБГУ. – 2016. – Т. 22, № 6. – С. 69-82.

5. Кирдина, С. Г. Институциональные изменения и принцип Кюри // Экономическая наука современной России. – 2011. – № 1. – С. 19-38.
6. Кирдина, С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. – М., СПб.: Нестор-История, 2014. – 468 с.
7. Куренной, В. Сила слабых связей. Горожанин и право на одиночество // Горожанин: что мы знаем о жителе большого города? – М.: Strelka Press, 2017. – 216 с.
8. Семенов, В. Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – 477 с.
9. Семенов, В. Е. Духовно-нравственное преобразование общества в контексте концепции российской полиментальности // Психологические исследования нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юевич. – М. Изд-во ИП РАН, 2013. – С. 98-112.
10. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М. Политиздат, 1992. – 543 с.
11. Юрасов, И. А., Танина, М. А. Социальное самочувствие жителей провинциального города // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2018. – Т. 18, № 3. – С. 260-264.
12. Юрасов, И. А., Алехин, Э. В. Население Пензенской области как фактор инновационного развития // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 2. – С. 6.

References

1. Buranchin A. M. Arkhaizatsiya kak sotsial'naya problema [*Archaization as a social problem*]. Politicheskoe obrazovanie. Available at: <http://lawinrussia.ru/content/arhaizatsiya-kak-socialnaya-problema> (accessed 04.11.2020).
2. Volodenkov S. V. Internet-kommunikatsii v global'nom prostranstve sovremennogo politicheskogo upravleniya [*Internet communications in the global space of modern political governance*]. Moscow, Moskovskii universitet, 2015, 272 p.
3. Zubarevich N. V. Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya [*Regions of Russia: inequality, crisis, modernization*]. Moscow, Nezavisimyi institut sotsial'noi politiki, 2010, 160 p.
4. Ibragimov L. H. Internet kommunikatsii v prostranstve sovremennoi politiki [*Internet communications in the space of modern politics*]. Vestnik ZaBG, 2016, vol. 22, no. 6, pp. 69-82.
5. Kirdina S. G. Institutsional'nye izmeneniya i printsip Kyuri [*Institutional changes and the Curie principle*]. Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii [*Economics of Contemporary Russia*], 2011, no. 1, pp. 19-38.
6. Kirdina S. G. Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii. Vvedenie v X-Y-teoriyu [*Institutional matrixes and development of Russia. Introduction to X-Y theory*]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2014, 468 p.
7. Kurennoi V. Sila slabykh svyazei. Gorozhanin i pravo na odinochestvo [*The strength of weak connections. Citizen and the right to solitude*]. Gorozhanin: chto my znaem o zhitele bol'shogoroda? [*Citizen: what do we know about a resident of a big city*]. Moscow, StrelkaPress, 2017, 216 p.
8. Semenov V. E. Rossiiskaya polimental'nost' i sotsial'no-psikhologicheskaya dinamika na pereput'e epoch [*Russian polymentality and socio-psychological dynamics at the crossroads of epochs*]. St. Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2008, 477 p.
9. Semenov V. E. Dukhovno-nravstvennoe preobrazhenie obshchestva v kontekste kontseptsii rossiiskoi polimental'nosti [*The spiritual and moral transformation of society in the context of Russian multi-mentality concept*]. Psikhologicheskie issledovaniya нравственности [*Psychological studies of morality*], Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юевич. Moscow, Izd-vo IP РАН, 2013, pp. 98-112.
10. Sorokin P. A. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo [*Person. Civilization. Society*]. Moscow, Politizdat, 1992, 543 p.
11. Yurasov I. A., Tanina M. A. Sotsial'noe samochuvstvie zhitelei provintsial'nogo goroda [*Social well-being of residents of a provincial city*]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya [*Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*], 2018, vol. 18, no. 3, pp. 260-264.
12. Yurasov I. A., Alekhin E. V. Naselenie Penzenskoi oblasti kak faktor innovatsionnogo razvitiya [*Population of the Penza region as a factor of innovative development*]. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [*Theory and Practice of Social Development*], 2016, no. 2, p. 6.